

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

2458 Sutter Street
San Francisco 15,
California

Editor: Walnut 1-5381
Office: Walnut 1-5380

"RUSSIAN LIFE"

RUSSIAN LIFE

КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО
С 9 ЧАСОВ УТРА ДО 6.30 ЧАС. ВЕЧЕРА,
КРОМЕ СУББОТ И ВОСКРЕСЕНИЯ.

Daily morning news except
Sunday, Monday & Holidays
Second-class postage paid at
San Francisco, Calif.

Entered as second class matter
Aug. 5, 1921 at the Post Office
at San Francisco Calif., under
the Act of March 3, 1879.

Русская ОБЩЕСТВЕННАЯ Жизнь

ЧЕХОВСКИЕ ТОРЖЕСТВА В САН ФРАНСИСКО

В воскресенье, 27-го марта 1900 г., Правлением Русского Центра была торжественно отмечена столетняя годовщина со дня рождения Антона Павловича Чехова. Ознаменование этого дня было начато молитвенным поминанием скончавшегося в 1904 году писателя: в Св. Скорбященском и Св. Троицком кафедральном соборах были, при большом стечении молящихся, отслужены, по окончании литургии, панихиды.

Затем, в 2.30 ч. дня, в большом зале Русского Центра состоялось посвященное памяти А. П. Чехова торжественное собрание. Многочисленные (свыше 500 человек) участники собрания имели возможность, по выставленным Музеем Русской Культуры экспонатам, ознакомиться с эпохой, в которую жил и творил А. П. Чехов.

Занавес раскрылся. На украшенной большим портретом писателя сцене за столом президиума собрания — председатель Правления Русского Центра Г. К. Бологов, директор русской гимназии при Св. Скорбященском соборе архимандрит о. Афанасий, священник Св. Троицкого собора о. Алексей Павлович, инспектор гимназии В. М. Александров, писатель Н. В. Нароков, редактор газеты «Русская Жизнь» А. П. Делзанич, поэт и писатель М. И. Надежин и абитуриентка гимназии Татьяна Филиппова.

Председатель собрания Г. К. Бологов объявляет собрание открытым и предоставляет слово Н. В. Нарокову, для доклада: «Чеховская тоска».

Свое сообщение Н. В. Нароков начал с указания, что А. П. Чехов часто называют «певцом сумерек», набиравшим героями своих про-

изведений никчемных людей, способных только тосковать, ныть и бессильно жаловаться. Подобное определение общества направления творчества А. П. Чехова, при всей кажущейся верности (герои «Скучной истории», «Трех сестер», «Палаты № 6» и других произведений не обладают бодростью и оптимизмом), грешит чрезмерным упрощением и поспешностью. Далеко не все чеховские герои «скучат и тоскуют»: в галерею созданных Чеховым типов встречаются и вполне удовлетворенные жизнью люди, по определению Пушкина, довольные «самим собой, своим обедом и женой». Они «твердо стоят на твердой земле» и ограничивают круг своих интересов рамками житейских мелочей, вне которых бытие теряет для них свой смысл. Свойственное этим людям стремление к душевному и умственному застою делает их выразителями «душевной статичности», одинаково неспособной как к расширению умственного горизонта, так и к увеличению богатства душевных переживаний.

Тоска и нытье другой разновидности чеховских героев вызваны их неудовлетворенностью жизнью. Они все к чему-то стремятся, часто сами не умея определить, к чему именно. Повторяющийся в «Трех сестрах» рефрен: «В Москву, в Москву!» является символом радикальной перемены жизни. Не менее характерен и ответ одной из героинь Чехова на вопрос: «Куда же ты теперь едешь?» — «В Крым... То-есть на Кавказ...» Этот ответ показывает, что отвечающей безразлично, куда ехать, т. е. она едет не «куда», а «откуда»: от привычных условий будничной жизни. Неканное, более, лучшего, делает тоскующих героев динамичными. Правда,

они не в состоянии сами создать новую жизнь или ответить на вопрос: «Как нужно жить, чтобы не ощущать себя виновными», но они к этому стремятся. «Ноющие» герои Чехова могут быть смешными и жалкими, но их искания создают «воздух», нужный для развития культуры, одинаково основывающейся на динамичности духа и интеллекта, т. е. на основных чертах «тоскующих».

Последовавший за докладом Н. В. Нарокова реферат о творчестве Чехова Т. Филипповой содержал основные этапы развития литературного таланта А. П. Чехова, причем это развитие было раскрыто на фоне краткой биографии писателя.

Писать Антон Павлович начал рано. Его ранние произведения, подписываемые А. Чехонте, были небольшими юмористическими рассказами. По окончании гимназии, Чехов переезжает из Таганрога в Москву, где поступает на медицинский факультет университета. Одновременно с учением, он сотрудничает в юмористических журналах, помогая своей нуждающейся семье. Эта помощь оказывается им за счет собственных лишений: в годы студенчества, приобретение Чеховым пальто было для него большим и радостным событием. В 1887 г. университет окончен. Чехов становится земским врачом. Он лечит и пишет, переходя от мелких юморесок к большим повестям. Первой его большой повестью была, напечатанная в «Северном Вестнике», повесть «Стень», в которой он, наряду с блестящим описанием степных просторов, дает ряд зарисовок различных людей. Повесть имела заслуженный успех и положила начало писательской известности Чехова.

Докладчицей затем было отмечено дальнейшее развитие творчества Антона Павловича и упомянуты его поездки в 1890 г. на остров Сахалин, о котором Чехов написал свою книгу, и в Зап. Европу (в 1891 г.).

Тяжелая болезнь (туберкулез) вынудила Чехова прожить некоторое время в Крыму, а когда климатические условия южного берега Крыма ему не помогли, то, по со-

вету докторов, А. П. Чехов в июне 1904 г. уехал в Шварценвальд (в Германии), славившийся своими санаториями для легочных больных. В Шварценвальде, на сорок четвертом году жизни, творчество А. П. Чехова было оборвано смертью.

На помолодевшем лице умершего застыло просветленное-счастливое выражение.

Вторая часть торжества была посвящена произведениям А. П. Чехова. Под руководством прекрасного, давно уже зарекомендовавшего себя режиссера К. Е. Аренского, в декорациях кисти талантливого художника В. А. Белкина, были с большим энтузиазмом и подъемом проведены три одноактные пьесы.

Первая, «Ведьма», инсценировка по рассказу Чехова, с самого открытия занавеса заставила замереть зрительный зал. Бревенчатая изба. Русская печь с полатями, старинный окованный сундук, в котором Ранса, жена заштатного дьячка Гыкина, вероятно, привезла свое приданое... Маленькое окно, затянутое рисунком мороза. От ветра хлопают двери. На дворе этой ночью вост вьюга, настоящая зимняя вьюга...

И. С. Кравцова - Ранса была великолепна. Яркая, дышущая молодостью и здоровьем молодуха, выданная замуж за слепоту, тупо ревнивого, тупо уверенного в том, что его жена — ведьма, имеющая силу над природой, могущая закрутить пургой, навлечь грозу, только для того, чтобы в одинокий домик привести путника для своих беспутных развлечений.

Мы знаем И. С. Кравцову, как невинцу. Те, кто встречался с ней в Европе, знали ее, и как актрису, но Сан Франциско впервые познакомился с ней в этом амплуа на этом спектакле. Игра ее, тон, мимика, даже просто движения рук были вычужденными, без слов говорящими. Артистке удалось оживить чеховскую «ведьму», одеть ее в плоть, заставить зрителя чувствовать пульс ее бушующей молодой крови, и все это было дано в меру, без преувеличения, без аффектации. Особенно хороша она была в диалогах с почтальоном, в последней сцене

в Гыкиным.

Об игре и образах, которые дал в этот день Владимир Орлич, можно было бы написать очень много, но оставимся сейчас на Гыкине. Грим, костюм, весь вид заштатного дьячка, были буквально списаны с замысла А. П. Чехова. Каждое движение, каждое слово были продуманно сделаны, и, вместе с тем, это была не игра, а самая жизнь. Вл. Орлич — Богом одаренный артист, и к тому же артист, который работает над собой, не играет, а живет и перевоплощается из образа в образ — все тот же Орлич, и каждый раз иной.

Хорош был Б. Дмитриев — почтальон. Этот молодой актер растет на наших глазах с каждым новым выступлением, чему способствует не только его дарование, но и очень выгодная наружность.

В совсем небольшой роли ямщика, очень типичным по гриму, по одежде, по поступку и говору был П. П. Храпунов.

Во втором отделении, «Юбилей», шутка в одном действии А. П. Чехова, прошла живо, захватывая и интересно. Небольшими штрихами декораций сцена «в сухих» превратилась в кабинет директора банка. Тут мы сразу же познакомились с еще одним В. С. Орличем — Хириним, желчным, вечно чем-то болеющим, жено ненавистником, но «столпом» банка — бухгалтером. Грим Орлича был замечательным тем, что он создавал новый образ и вместе с тем не выглядел гримом. Хирин был опять же таким, каким его задумал Чехов. Игра и тон, дикция и жестикация нигде не были шаржированы.

Отлично играл С. И. Смирнов — Шинучин, председатель Правления банка. Он дал правильный тип и был совершенно «настоящим». Е. П. Бражник (пусть читатель не думает, что эта рецензия пишется нарочно лишь в превосходной степени) заслужила самой блестящей критики. Опять же не только ее искристая игра, правильность ее тона, но и ее наружность и туалет были «чеховскими», той эпохи, того типа женщины, которой была Татьяна Алексеевна Шинучина. Необходимо подчеркнуть игру Е. Е. Кольцовой — Мерзуткиной. Тут тоже весь сценический образ, грим и костюм отвечали по высоте таланту Е. Е. Публика по достоинству оценила ее и будет рада видеть Е. Е. опять на нашей сцене. Следует отметить, что художник В. А. Белкин, создавший декорации этого спектакля, оказывается — и актер, и играл роль члена банка в «Юбилее».

Наконец — «Свадьба», в которой играл большой ансамбль. Проведена она была живо, без сучков и задоринки, и нужно просто перечислить имена всех игравших, прибавив к этому, что все были хороши, на своих местах и типичны. И тут тоже чувствовалась рука опытного режиссера и его помощника М. Е. Кнатца. Все сцены были отделаны и составляли общее целое; превосходны были костюмы и грим участвующих. Жигалов — В. П. Чехов, его жена — М. П. Забайкальская, их дочь Дашенька — М. А. Лутонина, Анломбов, жених — В. М. Шуляковский, опять же «новый Орлич» — Ревунов - Караулов, традиционный «свадебный генерал», Змеюкина, жеманная акушерка — Е. С. Исаенко, телеграфист Ять — Б. Ф. Дмитриев, грек - кондитер Дымба — П. Г. Перевалов, матрос Мозговой — Е. Никифоров, Нюнин — П. И. Храпунов, шафер и шаферицы А. С. Кузубов, А. А. Семенченко и Н. Д. Ощуркова — все были одним целым, и трудно выделить одного, не похвалив и других.

Программу из произведений А. П. Чехова можно считать в высшей степени успешной, удовлетворившей и самого строгого критика. Оформлена она была блестяще, и мы считаем своим долгом подчеркнуть техническую сторону, звуковые эффекты и освещение — труды П. П. Лободовского.

Зал Русского Центра был полон. Этим доказаны любовь к русскому писателю А. П. Чехову, приветствие идеи Русского Центра и полное доверие к режиссеру и артистическим силам. Такой театр, — говорили зрители, — мы хотим, и такие спектакли мы будем посещать.

Зритель.